

И. М. Шаманов

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ КАРАЧАЕВЦЕВ

Карачаевцы — потомки древних скотоводов и земледельцев. Природно-климатические условия в горах неблагоприятны для развития земледелия. Поэтому карачаевцы, как и все другие жители горного Кавказа, занимались главным образом скотоводством. Сведения об этом содержатся в самых старых материалах об этом народе. В 1850 г. на каждый двор приходилось 79 голов скота (в том числе 50 голов мелкого рогатого скота)¹, а в 1899 г. — 87 голов (в том числе 67 голов мелкого рогатого скота)². В 1913 г. в одном хозяйстве в среднем насчитывалось 127,4 головы, в том числе и мелкого рогатого скота³. Это наиболее высокий показатель среди всех народов Кавказа. Большая роль скотоводства в хозяйстве маленького горского народа, живущего в узких ущельях гор, приводила многих ученых к мысли, что весь хозяйственный быт карачаевцев носит скотоводческий характер, а сам народ является «пастушеским». При этом исследователи почти не замечали у карачаевцев земледельческого хозяйства. Однако, в действительности, земледелие в хозяйственной жизни этого народа всегда играло немаловажную роль. В весьма отдаленные времена здесь сложились традиционные системы как скотоводства, так и земледелия. Народный календарь показывает взаимосвязь скотоводческого и земледельческого быта.

Поскольку тюркский элемент в этногенезе карачаевского народа является одним из главных компонентов, выявление степени бытования у них летосчисления по 12-летнему «животному» циклу представляет определенный научный интерес. По имеющимся данным, старики-карачаевцы еще в XIX в. продолжали пользоваться древнетюркским циклом летосчисления для предсказания урожайности года, при расказах о событиях прошлого. Как и у многих других тюркских народов⁴, голодными и несчастными считались годы зайца, змеи, лошади. «Къоян джыл-такъыр джыл» («год зайца — год голодовки», — говорили в народе). Зато урожайными и сытными считались годы коровы, свиньи, собаки, барса. Существуют народные поговорки «тонгуз джыл — мелхум джыл», «инек джыл — джуаш джыл», т. е. «год свиньи — год изобилия», «год коровы — мягкий год». Это само по себе говорит о бытовании животного цикла, возникшего независимо от ислама.

Животный цикл летосчисления известен карачаевцам как «ногай санау», т. е. как ногайский. Можно предположить, что карачаевцы переняли его у ногайцев.

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (далее ЦГВИА) ф. ВУА, д. 19051, ч. II, 1850, л. 134.

² Там же, ф. 330, д. 4079, ч. I, л. 114.

³ «Район железной дороги Невинномысская — Сухум в экономическом отношении» Спб., 1914, стр. 81.

⁴ Н. П. Пантусов, Книга о счастливых и несчастных годах, Казань, 1900, стр. 8—10; А. Н. Самойлович, К вопросу о 12-летнем цикле у турецких народов «Восточные записки», т. I, Л., 1927.

Данные этнографии свидетельствуют, что 12-летний животный цикл летосчисления был хорошо известен в Карачае еще в доисламский период. В связи с принятием ислама (по Клапроту в 1782 г.⁵) начало употребляться мусульманское летоисчисление («хиджра»); самое широкое распространение получил календарь «Орузлама» — предсказатель на 100 лет. Он проник к карачаевцам из Кумыкии, откуда в основном и поступала религиозная литература. Этот факт отражен также и в народных преданиях.

До принятия мусульманства верования карачаевцев состояли из сложнейшего переплетения христианства и язычества. Еще в середине XIX в., по замечанию В. Желиховского, религиозные представления горцев были «смесью магометанства с доброй дозой христианства и еще больше язычества»⁶. Этот факт отмечается также в записке вице-адмирала Серебрякова в 1852 г.⁷

Окончательный переход карачаевского народа к исламу был обусловлен политической ситуацией на Кавказе в начале прошлого столетия. Турция в своих притязаниях на Кавказ исключительное значение придавала распространению мусульманства среди многочисленных народов этого края, особенно среди тюркских. Однако, став господствующей религией, ислам не смог вытеснить языческие верования и обряды местных жителей, а мусульманский календарь, крайне неудобный в практической деятельности земледельца и скотовода, не нашел широкого распространения. В Карачае он употреблялся только для расчета религиозных дат и мусульманских праздников. Названия 12 месяцев арабского лунного календаря также не привились.

После присоединения к России среди карачаевцев стала распространяться юлианская система летосчисления. Новый календарь довольно реально фиксировал смену времен года. Он укоренился также и потому, что его использовали в делопроизводстве. Большое значение имели также все более крепнувшие экономические, торговые и культурные связи с русским народом. С конца XIX в. наряду со старыми календарными названиями в Карачае все более популярными становились русские названия месяцев и дней. Языческий календарь постепенно забывался. Начало годового цикла было перенесено с момента весеннего равнодействия на январь.

В основе народного сельскохозяйственного календаря карачаевцев лежит строгая периодичность небесных явлений. Он согласован с годичным циклом хозяйственных работ, с изменениями времен года и окружающей природы. Этот календарь основан на лунно-солнечном исчислении месяцев года. Год делится на 12 месяцев. В основу лунного исчисления времени легли наблюдения над изменениями лунных фаз. В каждом месяце дни считались с рождения луны. В среднем он состоял из 29 с половиной дней. Сохранился старинный счет времени по фазам луны. Первая половина месяца называлась «новый» («джангы ай»), вторая (время ущерба луны) — «эски ай» «старый».

Месяц по-карачаевски ай; это же слово обозначает луну. Термин для понятия сутки отсутствует, употребляются лишь слова день «кюн» и ночь «кече». Словом «кюн» карачаевцы называют также солнце. Помимо этого существовали следующие временные понятия «заман» (время), «емюр» (век), «джыл» (год), «Ийыкъ» (неделя), «тейри джарыкъ» (свет тейри, т. е. рассвет), «джарыкъ» (начало света), «эртден» (утро), «кюн орта» (обед), «ингир» (сумерки), «ашхам» (вечер), «кече арасы» (полночь). День начинался с того момента, когда люди просыпа-

⁵ J. Klaprot, Voyage au mont Caucase et en Georgie, Paris, 1823, p. 283.

⁶ В. Желиховский. Верования и легенды кавказских горцев. «Ильва», 1866, № 39.

⁷ «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией», Тифлис, 1883, стр. 240.

лись. Это совпадало с появлением на горизонте утренней звезды «Чолпан джулдуз». Утро заканчивалось после восхода солнца. Ночь начиналась с наступлением темноты и тянулась до первых признаков зари.

У карачаевцев бытовала семидневная неделя. Длина лунного года приблизительно равна 354 суткам, однако карачаевцы все хозяйственные дела приурочивали к солнечному календарю. Начало лунных лет всегда приходилось на определенную пору солнечного года — весну. Как известно, у древних тюркских народов не существовало деления месяцев на недели. Поэтому изучение карачаево-балкарских названий дней недели дает ценный материал для освещения ряда культурно-исторических проблем. Все названия дней недели, как и деление месяца на седмицы, либо заимствованы карачаево-балкарцами, либо возникли в процессе культурно-исторических взаимовлияний.

Как видно из приведенного перечня дней недели, у карачаевцев и балкарцев мы не находим мусульманских названий.

Понедельник	Баш кюн	Первый (главный) день
Вторник	Гюрге кюн	День Георгия
Среда	Бараз (с) кюн	День Бараса
Четверг	Орта кюн	Средний день
Пятница	Байрым кюн	День Байрыма
Суббота	Шабат кюн	День Шабата
Воскресенье	Ийых кюн	День Ийыха

Сам факт, что карачаево-балкарская неделя состоит из семи дней, свидетельствует о влиянии христианства (юлианского календаря). Названия некоторых дней, соответствующих христианским церковным обычаям, проникли к западнокавказским горцам в эпоху экспансии христианской религии⁸.

Н. Каменев, производивший в 1869 г. раскопки в районе р. Белой, обнаружил у горцев следы христианства. Он писал, что еще в прошлом горцы почитали Иисуса Христа под именем Аус Герга, а Матерь Божию — под именем Мариам связывали с пятницей. Среду называли «бересчешку», т. е. большой пост⁹. На связь названия вторника «Гюрге кюн» со св. Георгием, среды «Барас кюн» со св. Параскевой, пятницы «Байрым кюн» со св. Марией неоднократно указывали впоследствии кавказоведы В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский¹⁰. В. И. Абаев и Л. И. Лавров, целиком соглашаясь с выводами дореволюционных ученых, оценивали эти факты как проявление взаимовлияния в области духовной культуры балкарцев, карачаевцев, осетин и адыгских народов¹¹.

Длительные духовные связи народностей, относящихся к трем различным языковым группам, отражает, например, лексическое сходжение термина «Байрым». В Балкарии (с. Озороково) сохранилась «часовня божьей матери — Байрым»¹², а в Карачае имя «Байрам таш» (камень Байрама) носят священные камни в Учкулане и Журзуке¹³. Среди адыгских народов св. Мария почитается под именем «Мьерэм» и по сей день

⁸ Н. Каменев, Раскопки в верховьях р. Белой, Газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1869, № 37; А. Иессен, Археологические памятники Кабардино-Балкарии, М.—Л., 1941, стр. 20—25; Ю. Кулаковский, Христианство у алан, Спб., 1898.

⁹ Н. Каменев, Указ. раб.

¹⁰ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. II, М., 1882, стр. 252; В. Миллер, М. Ковалевский, В горских обществах Кабарды, «Вестник Европы», М., 1884, кн. IV, стр. 551; М. Иванюков, М. Ковалевский, У подошвы Эльбруса. «Вестник Европы», М., 1886, кн. I, стр. 100—107; В. Ф. Миллер, Археологические экскурсии в горских обществах Кабарды, «Материалы по археологии Кавказа», 1888, т. I, стр. 52.

¹¹ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 285; Л. И. Лавров, Из поездки в Балкарию, «Сов. этнография», 1939, № 2, стр. 178; его же, Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., «Кавказский этнографический сборник», т. IV, М., 1969, стр. 109.

¹² А. Иессен, Указ. раб., стр. 26—27.

¹³ У. Д. Алиев, Карачай, Ростов-на-Дону, 1927, стр. 76.

пятница именуется «Мэрэм»¹⁴. Карачаево-балкарское «Байрым кюн» (пятница) восходит к христианской св. Параскеве Пятнице; а для обозначения дня Параскевы Большого поста, т. е. среды, карачаевцы употребляют слово «Барас»¹⁵, которое В. Ф. Миллер связывал с названием недоброго духа у осетин — Барастыра¹⁶. На современном этапе в силу народного переосмысления (контаминации) слово «бараз» употребляется в значении «день ходьбы» (образуется от слов «бар» — идти и «ыз» — путь). Карачаевцы-путники охотно выходят в этот день в дорогу.

Слово «шабат» (суббота), широко распространенное у многих кавказских народов (у грузин — «шабаты», у чеченцев — «шот», у черкесов — «шэмбэт»), происходит от древнееврейского слова «сабат», что значит покой, празднество¹⁷. Возможно, в Карачай это слово также проникло вместе с христианством, хотя известный тюрколог А. Н. Самойлович возводил этот языковой пережиток к эпохе Хазарского царства¹⁸.

Особое внимание обращают на себя названия недели («ийыкъ») и воскресенья («ийых»). Мы не находим аналогии этим словам ни в мусульманской, ни в христианской, ни в иудейской системах летосчисления. Среди тюркских народов это слово обнаруживается, кроме карачаево-балкарцев, лишь у караимов и крымских татар. На этом основании А. Н. Самойлович сделал следующий вывод: «Карачаево-балкарское название воскресенья и недели „ыйых“, если это слово турецкое, я отождествляю с турецким „ыдык, ызык, ыйык, ыйрик (чувашское)“, что значит „посвященный богу, посвященный в жертву“»¹⁹.

Влияние христианства прослеживается и в карачаево-балкарском названии понедельника «баш кюн» (первый, головной день). Это первый день карачаевской недели, следующий за «днем посвящения богу». В этот день карачаевские женщины не занимались обработкой шерсти и не выходили в поле. Запретным (почитаемым) днем считался и вторник — день св. Георгия. Обычно во вторник путники не выходили в дорогу, а женщины находились дома.

Карачаево-балкарская система исчисления дней недели является образцом синкретизма. В основе ее лежит древняя христианско-языческая система.

Влияние христианства прослеживается и в названиях месяцев старинного карачаевского календаря. При сравнении названий месяцев у карачаевцев и балкарцев можно заметить, что они несколько различаются:

Месяцы карачаевского года	Месяцы балкарского года
Башиал ай	Башил ай
Аузну ал айы	Тотурну ал айы
Аузну арт айы	Тотурну артайы
Хычаман ай (Хачибан ай)	Хычауман ай
Луккул ай (Никкол ай)	Никкол ай
Джайны ал айы	Къыркъ ай
Джайны арт айы	Элия ай
Кюзню ал айы	Къыркъ ауз ай
Кюзню арт айы	Эт ыйыкъ
Къырк ауз ай	Абустол 1
Къач ай	Абустол 2
Эндреук ай (Андреиғ)	Эндреук ай

¹⁴ Л. И. Лавров, Адыги в раннем средневековье, «Сборник статей по истории Кабарды», вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 64.

¹⁵ Л. И. Лавров, Из поездки в Балкарню, стр. 178; Н. Каменев, Указ. раб.

¹⁶ В. Ф. Миллер, Археологические экскурсии в горских обществах Кабарды, стр. 131.

¹⁷ Л. В. Черепнин, Русская хронология, М., 1944, стр. 33.

¹⁸ А. Н. Самойлович, Названия дней недели у турецких народов, «Яфетический сборник», Пг., 1923, № 2, стр. 109.

¹⁹ Там же.

Первый месяц календаря у карачаевцев и балкарцев — «Башил ай» соответствует концу декабря и началу января. В. Ф. Миллер связывает это название со св. Василием²⁰, поскольку христианская церковь отмечала начало Нового года в Васильев вечер 31 декабря и в Васильев день (1 января). У осетин, например, Новый год («науагбон» или «анзисар») начинается с пятницы — «майрабон», следующей за новолунием в зимний месяц «басилтумай» (Васильев месяц). В этот праздничный день приготавливались из муки фигурные пироги под названием «басила» — Василий. В Грузии на Новый год также пекли особый хлеб в виде человеческой фигуры, в память св. Василия Великого, и называли его «басила»²¹. Память о св. Василии (Башил) закреплялась у карачаево-балкарцев и в местной топонимике. Например, в Чегемском ущелье имеется перевал Башил. Превращение Василия в Башил связано с закономерностями карачаево-балкарского языка, в котором отсутствует звук «в» в начале слов. Этот звук в заимствованных словах передается через звук «б». В то же время происходит переосмысление всего названия месяца: «баш» (главный) + «ыл» (год) + «ай» (месяц), т. е. «месяц начала года». Конец месяца «башил» почти совпадал с периодом «гитче чилле» (малый чилле). А с 17 января, т. е. спустя 25 дней после зимнего солнцестояния, особо выделялся 40-дневный зимний «чилле» или «большой чилле», который был очень длителен, суров и утомителен для скотоводов. Но самые жгучие морозы в Карачае приходили после «чилле», в месяц «аузну арт айы» (последний месяц ауза), а потому в народе говорили: «Не выйдет чилле — не придет мороз». Конец «аузну арт айы» почти совпадал с периодом «балдраджюз», длившимся 9 дней (с 27 февраля по 7 марта). Это время обычно характеризуется неустойчивой погодой. В народе говорили: «Где бы ты ни был, в балдраджюз будь всегда дома», потому что он свиреп и беспощаден. По истечении 20 дней зимнего «чилле» считалось что год «состарился».

После периода «балдраджюз» зима сдавала свои позиции, день заметно удлинялся, снег темнел, так что, по народному выражению, «овечий помет не удерживался на поверхности снега». Слово «балдраджюз» происходит от слов «бодур» и «джаз» («быть весне»).

Названия частей месяцев «аузну ан ал айы» (начало месяца ауза) и «аузну арт айы» (конец месяца ауза) трудно объяснить. Можно лишь предположить связь этих слов со св. Георгием, которого горцы чествовали под именем «аус Герга»²² и «бий Ашкерги»²³. Из христианских святых на Кавказе наиболее почитаемым был Георгий. На первый взгляд месяц Георгия у карачаевцев отсутствовал. Но нам кажется, что название «аус» («ауз») имеет прямую связь с «аус Герга». Согласно сообщению М. Энгельгардта, осетины в начале XIX в. именовали Казбек горой Христа, карачаевцы же называли ее Аузбек. Шарден свидетельствует, что адыгские народы также долгое время почитали Христа, называя его «аус Герга»²⁴. В данном случае, сохранившаяся в этом наименовании часть «ауз», видимо, указывает на связь форманта «ауз» — «уац» с именем Георгия. Таким образом, думается, что можно связывать названия частей месяцев «аузну ал айы» и «аузну арт айы» со св. Георгием. Впоследствии у карачаевцев сохранилось слово «ауз», соответствующее осетинскому «аус тырджи», балкарскому «аш». Оязычивание христианского святого — процесс позднего времени.

²⁰ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. 2, М., 1882, стр. 263; его же, Археологические экскурсии в горских обществах Кабарды, стр. 131—133.

²¹ Газ. «Кавказ», Тифлис, 1855, № 1.

²² Газ. «Кубанские войсковые ведомости», 1869, № 37.

²³ В. Ф. Миллер, Археологические экскурсии в горных обществах Кабарды, стр. 71.

²⁴ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», Орджоникидзе, 1967, стр. 195, 269.

Кроме слова «ауз» для названия тех же месяцев в Балкарии употреблялось слово «тотур», которое В. Ф. Миллер толковал как проявление на балкарской почве христианского культа Феодора Тирона (Тирского)²⁵. У горцев слово «тотур» закрепилось в местной топонимике: еще в начале XX в. в Хуламском обществе имелось селение Тотур, где сохранилась «крепость Тотура»²⁶, в Чегеме имеется церковь Аш-Тотур, в Хуламе — Тотур-Тюбю; можно насчитать несколько ледников «Тотур ауз». Тотур почитался у осетин, балкарцев и карачаевцев, как божества охоты (на волков). В Карачае и Балкарии в честь божества Тотур были названы особые охотничьи камни — Аш-Тотур. Каждый охотник, бывая в этом районе, оставлял у камня в дар Тотуру одну пулю, а в случае удачи жертвовал часть добычи — «саур»²⁷.

Из-за отсутствия звука «ф» в карачаево-балкарском языке имя св. Федора легко могло превратиться в Тотур. В этом новом варианте его начали понимать как «тот+ур» (покрыть ржавчиной). Чтобы ржавчина не покрывала снаряжение охотника, т. е. оружие всегда было готово к стрельбе, средневековый языческий охотник прибегал к покровительству бога охоты Апсаты. Ему приносили жертвы, произнося при этом заклинания: «тот урмасын» — «да не пристанет ржавчина».

Вслед за «балдраджюзом», с 8 до 16 марта шли периоды «нарт», «гурт» и «джут» (каждый по 3 дня). За ними следовали дни «джаз баши» (преддверие весны) — с 17 по 22 марта. Считалось, что если в эти дни нег снега, то должны наступить холода как результат «войны зимы и весны». Для жителей Карачая «черная зима» предвещала бескормицу и плохой урожай.

Ко дню весеннего равноденствия, который определялся по восходу солнца над определенной вершиной горы, наступал «джыл кьайыту» (буквально «возврат года»). Например, для жителей патронимических кварталов Биджиевых и Бостановых (с. Учкулан) свидетельством прихода весны служил восход солнца над вершиной горы Айры (Рогатина).

Народ торжественно провожал старый хозяйственный год. Праздник этот назывался «джыл аушхан» (смена года). В каждом доме изготовляли особое кушанье «ашыра джырна», непременно составленное из 9 различных продуктов; а также варили специальный кисель — «бегене» и так называемую годичную «бузу» («джыл боза»), пекли пироги и «берек» и «локум». Юноши и девушки ходили по дворам, распевая песню «Гюппе», за что их принято было угощать различными яствами. Праздник заканчивался пиршеством, танцами и скачками.

Со дня весеннего равноденствия у карачаевцев начинался хозяйственный год. В народе говорили: «Сменился год — быку нашлась работа». Сроки сельскохозяйственных работ устанавливались с учетом физико-географических и метеорологических условий. В Малом Карачае первыми выходили на пахоту джегутинцы, затем маринцы и каменномостцы. В Большом Карачае выход на «сабан» (первый выход плуга) приходился на различные календарные сроки в зависимости от местонахождения поселения. При этом жители противоположных в отношении к солнцу кварталов разыгрывали сцены, именуемые «годовая борьба».

С посевами не торопились, так как в горах мог неожиданно выпасть снег. Распаханная земля не засеивалась неделю-полторы. В это время расчищали канавы, сенокосные угодья, ремонтировали оросительные каналы, укрепляли ограды и террасы. К концу апреля, после вторичной вспашки, повсеместно завершали сев и посадку. Участки полей в горах не

²⁵ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч. 3, стр. 8; его же, Археологические экспедиции в горских обществах Кабарды, стр. 71.

²⁶ Центральный государственный исторический архив, Л., ф. 1291, оп. 84, ед. хр. 360, л. 8.

²⁷ Л. И. Лавров, Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в., стр. 107; А. К. Боровков, Карачаево-балкарский язык, «Яфетический сборник», Л., 1932, № 7, стр. 55.

велики по размерам, поэтому сроки полевых работ были непродолжительны. К тому же издавна бытовали кооперация труда — «товарищество полей» («сабан негерлик») и безвозмездная помощь друг другу («мам-матлык»).

Первый день пахоты — день сабана («сабан кюн») отмечался в каждом патристическом селении особыми обрядами «сабан кюн». Так, первую борозду проводил наиболее уважаемый и хлебосольный человек «берекетди адам». Когда мужская группа хлебопашцев выносила в поле деревянное пахотное орудие, то обыкновенно из дома хозяина на поле выходила девушка и негромко несколько раз произносила слова «гу-гук», после чего мужчины брали ее за руки и подводили к борозде, а затем разыгрывали обряд «закапывания в борозду». Когда девушку начинали засыпать землей, старики своими уговорами «выкупали ей свободу». Девушка возвращалась домой и приносила заранее приготовленную ею праздничную еду «тепси», где были треугольные пироги «бёрек». Во время обеда проводивший первую борозду старик благодарил девушку, а затем произносил здравицу в честь бога хлебов Эрирея. Каждый из работников пил специально приготовленную бузу «сабан боза» и получал пирог «бёрек».

Месяц, с которого начинался хозяйственный год, назывался «хычабан ай» («хычауман ай» — у балкарцев). Он соответствовал концу марта и первой половине апреля. Происхождение этого названия, как указывали в свое время В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, связано с осетинским словом «хуыцаубон» — месяц пасхи, божий день²⁸.

В Балкарии еще в XIX в. бытовал обычай отмечать завершение весенних хозяйственных работ жертвоприношением общественного быка, которого называли «хычаул-ёгюз» (бык хычауала)²⁹. До этого его содержали в специальном домике и следили за его поведением: если он мычал, задравши голову, — быть урожаю, если же нет, то неминуем плохой урожай³⁰. Жертвоприношение сопровождалось торжественным пиром. Каждая сакля должна была к этому дню приготовить особый пирог «хычаман хычын», т. е. достойный бога. Эти пироги были крупнее обыкновенных и имели углубления, сделанные большим пальцем.

По рассказам старика Бостанова Х. А. (с. Учккен, Мало-Карачаевский район), в день завершения полевых работ устраивались ритуальные игры: женщины преподносили мужчинам большие пироги «хычын» вместе с бузой.

В месяц «хычаман ай», с 24 марта по 30 апреля, скот перегоняли на предгорные пастбища. К концу месяца «хычаман ай» овцематки возвращались к зимовникам, потому что к этому времени приурочивали окот («телю алыу»), длившийся 25—30 дней — с 20 апреля по 20 мая. Здесь же до конца мая производилась весенняя стрижка. Весь скот готовили к выходу на летние пастбища «мал тардаи чыгыну» (выход из теснин) или «чалмандан чыгыу» (выход из плетняка). Этот переход длился с 25 мая по 15 июня. Горы с их прекрасными альпийскими лугами широко использовались карачаевцами для отгонно-пастбищного скотоводства. Карачаевский скот в основном выпасали вдаль от селений, на расстоянии 100—150 км — на общекарачаевских или арендованных казенных и частных пастбищах. Вместе со скотом кочевала и та часть населения, которая постоянно находилась при стадах. Поэтому переход скота на летние пастбища отмечался особенно торжественно. В жертву приносили самого лучшего барана и первого ягненка (начало приплода — «телю баш»), голову и курдюк которого варили особо в отдельном казане вместе с шер-

²⁸ В. Ф. Миллер, Осетинские этюды, ч II, стр. 276; ч III, стр. 9, 263; М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. 1, 2, М., 1880, стр. 184.

²⁹ М. Ковалевский, Указ. раб., стр. 184—185.

³⁰ Ф. и М. Перебейнос, В теснинах Кавказа. По Балкарии и Сванетии. М., 1930, стр. 21.

стью и подавали на стол старшего. В молитве («тилек») глава коша просил удачи и благополучия у главного божества Тейри. Затем он разделявал голову ягненка и давал пробовать кусочки мяса членам кошевого товарищества. По народному календарю это был месяц «луккур» (месяц луккулай), соответствующий месяцу «никкола» у дигорцев и генетически восходящий к церковному празднику Николин день весенний, отмечаемому в месяц св. Николая³¹.

На просторах высокогорных летних пастбищ «джайлыкъла» и «джалпакъла» скот находился в течение 3—3,5 месяцев. Лето в горах было коротким. Начало этого периода фиксируется в календаре как месяц начала лета («джайны ал айы»), а конец — как месяц конца лета («джайны арт айы»). У балкарцев эти месяцы сохранили названия более древнего периода: месяц Николая («Никкол ай») и Ильи («Элия ай»).

День летнего солнцестояния, определяемый по солнечному ориентиру («кюн ышан»), повсеместно в Карачае отмечался жертвоприношением и приготовлением сдобных пирогов. Соседи оделяли друг друга кусками мяса и двумя пирогами. По народному поверью, 22 июня наступала «ночь открытия дверей Тейри» (Тейри — верховное божество древних тюрков)³². А по истечении 25 дней после ночи Тейри наступали 40 дней летней жары — «джай чилле» (с 17 июля по 27 августа), которые совпадали с появлением и исчезновением на горизонте созвездий Плеяд («Илкерле»). Карачаевцы придавали этому периоду особое значение, так как в это время наблюдался быстрый рост трав и злаков, а на пастбищах — заметный нагул скота. Сельское население было занято выполнением «долинных работ» («ёзен ишле»): поливом посевов и лугов, прополкой. Шла подготовка к сенокосу и уборке зерновых культур. Уборка продолжалась два месяца — с первого августа по первое октября. В календаре эти месяцы получили название «месяц начала озими» («кюзню ал айы») и «месяц конца озими» («кюзню арт айы»).

Период подготовки к косовице начинался с выбора главы группы косарей — «джыйын тамада», который возглавлял коллектив косарей и выделял вождя веселья, организатора общинных игр — «белобородого козла» (акъсакъала или просто теке) — остроумца, импровизатора, сочинителя экспромтов. В трудовых процессах карачаевцев игровой момент, восходящий к древним народным традициям и связанный с праздником урожая и плодородия, имел очень большое значение. Работы на уборке крайне тяжелы. Поэтому народный актер вносил в трудовой процесс вместе с весельем бодрость и здоровое настроение. На всем протяжении сенокоса (2—2,5 месяца) «теке» не расставался с козлотородой маской. Игры «акъсакъала» (белобородого) продолжают сопровождать трудовой процесс косарей и в настоящее время.

С появлением на небе Плеяд связывались конец летнего периода и начало заморозков в горах. К этому времени завершалась стрижка баранов «токълу кыркъюу». Одновременно овцематок отделяли от баранов в отдельные стада, а пестрых баранчиков, чтобы не портить породность, забивали, оставляя приплод только черной масти.

Наступала осень «къач чагъы» (по-балкарски «кыркъар»). Это также был период напряженных хозяйственных работ, о чем свидетельствуют такие поговорки, как «Озимые работы — сотни работ», «День осени прокормит месяц зимы». В это время убирали хлеба и молотили зерно, перегоняли стада, отбирали и сбывали лишних животных, проводилась случка, скот обеспечивали кормами и устраивали зимовки. О напряженности трудового дня земледельца и скотовода в осенний период говорит

³¹ В. Ф. Миллер, Археологические экскурсии в горных обществах Кабарды, стр. 71; Б. А. Ланге, Балкария и балкарцы, Газ. «Кавказ», 1903, № 288.

³² Г. Ф. Чурсин, Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков, «Первый Всесоюзный тюркологический съезд» (стенографический отчет), Баку, 1926, стр. 73.

следующая поговорка: «Затянешь работу — снегом завалит». В горах зимы неустойчивы и суровы. Жестокие зимы под названием «Аман кыш» (суровая зима), «кыт кыш» (трудная зима) вместе с годами эпизоотии «саламелик джыл» навсегда вошли в народный календарь карачаевцев.

К началу сентября карачаевские стада начинали спускаться с гор, а к концу сентября («кюзно аот айы») в местах зимовок в основном завершался сенокос. В это время производилась осенняя стрижка овец. Тот же осенний месяц у балкарцев называется «кыркъ ауз ай». О. Опрышко ошибочно переводит это название как «месяц овец»³³. Нам кажется, что связь слова «кыркъауз» со временем стрижки овец случайна. Названия осенних месяцев «кыркъ ауз» и «квач ай» имеют сложную природу. Можно предположить, что они связаны со словом «керки» («кирки»); под этим именем горцы почитали св. Георгия³⁴. В Карачае по сей день крест известен как «Георги» (Гэур квач); его вычерчивали еще в XIX в. во время принятия присяги³⁵.

В конце сентября и первой половине октября завершались основные сельскохозяйственные работы. Это отмечалось праздником Чоппа, бывавшим у многих народов Кавказа³⁶.

Затем начиналась подготовка к сельскохозяйственным работам следующего года: в горах производили подкормку участков, а на равнине — сев озимых. Перегон скота на осенние пастбища, проходивший в промежутках с 25 сентября по 1 декабря, назывался «квачдан сора баруу», что значит «после осени». Скотоводы производили в это время перегруппировку стад. Во-первых, отбиралась часть скота для заготовки мяса впрок, во-вторых, выделялся скот на продажу («сатыу»). Затем продуктивный скот разбивался на две категории: «бичен мал» (букв. скот на сено) и «кчаудан мал» (букв. подножный скот), потому что недостаток заготовленного корма на зиму не позволял ставить весь скот на зимнее довольствие. Этот сезон года балкарцев именуется «эт ийыкъ» (неделя мяса), а у карачаевцев — «союм ай» (месяц убоя).

Первые 10 дней ноября скотоводы производили случку коз «теке ийыкъ» («неделя козла»). Начинаясь зимний скотопрогон. Часть скота — дойные коровы и молодняк всех видов скота — перегонялась в зимовники («бичен кышлык ыла»), где заранее заготавливались запасы сена, а другая часть скота — козы, овцы и гулевой скот — переходила в зимовники на подножном корму («кчаудан кышлыкыла») на арендованные плоскостные земли Терской и Кубанской областей.

Наступал месяц «эндреук» или «эндренг», соответствующий концу ноября и первой половине декабря. Название его трудно объяснить, но думается, что его можно связать со св. Андреем, хотя это слово можно понимать и как месяц «поглощения». И, действительно, для карачаевцев декабрь являлся первым месяцем кормления скота сеном, когда скот находился в кутане. Большой период времени с 1 декабря по 1 мая скотоводы называли «мал бауда заман» (время, когда скот в помещении).

В зимовниках с 1 по 15 декабря проходила случка овец «кычхар кышуу». Этот период завершался обрядовой игрой «Боранкелди оюн» (букв. пришла метель).

«Зима и враг — одно и то же», — повторял горец каждый раз в преддверии зимы, пытаясь предугадать характер наступающего года и подво-

³³ О. Л. Опрышко, Старые календарные системы кабардинцев и балкарцев, «Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института», т. 24, Нальчик, 1967, стр. 210.

³⁴ «Осетины глазами русских и иностранных путешественников», стр. 195.

³⁵ М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, стр. 193.

³⁶ В. Миллер, М. Ковалевский, В горских обществах Кабарды, стр. 561; М. Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, стр. 185; Г. Ф. Чурсин, Осетины, Тифлис, 1925, стр. 57; его же, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1956, стр. 60—61; Л. И. Лавров, Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев, «Труды Ин-та этнографии», т. 1, 1959, стр. 216.

да итоги осеннего периода. Первые 9 дней декабря назывались «эндрейгни аман кюнлери» (непогодные дни Эндрейга) или «эндрейгни джибулери» (мокроты Эндрейга), а затем наступали дни «токълу тоймаз 9 кюнле», т. е. девять ненастных для баранчиков дней (с 10 по 18 декабря). А самые короткие дни года (19—23 декабря) называли «кюн анасыны кьойнуна тюидю» («солнце попало в объятия матери»). Бытовало и другое определение этого времени. Говорили: «Год вошел в коргазин» («джыл кьоргъазиннге кирди»). Значение термина непонятно, но как рассказывают информаторы, слово «кьоргъазин» связано с наблюдением за солнцестоянием в окрестностях горы Шидак миниген над урочищем Джандарланы бвула в ущелье Махар. По другим рассказам слово «кьоргъазин» происходит от наблюдения за солнцестоянием у горы Кьоргъашинлы, что значит «свинцовая».

День зимнего солнцестояния жители каждого селения также определяли по местонахождению солнца над определенными вершинами или котловинами. По представлению карачаевцев, после зимнего солнцестояния «солнце оживало и возвращалось». В отличие от карачаевцев у балкарцев последние месяцы года были известны под названием «Абустол 1» и «Абустол 2». Звучание этих слов дает основание, как нам кажется, связать их со словом «апостол» (в память о святых апостолах греческая церковь в ноябре и декабре отмечала соответствующие праздники).

Таким образом, мы видим, что народный календарь карачаевцев был тесно связан с циклом основных сельскохозяйственных работ, включавших в себя как скотоводческое, так и земледельческое хозяйство, которые формировались на протяжении длительного периода в кавказской этнической среде.
